

Древнерусская элита X–XI веков: вопросы генеалогии

С.В. Алексеев

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Российская Федерация;
Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию генеалогии древнерусского боярства, а точнее его высшего аристократического слоя в период формирования государственности Руси. В статье отмечается недостаток источников и сложность в изучении этого аспекта, однако подчеркивается важность персональных и родословных исследований для понимания социальной структуры того времени. В статье рассматриваются три ключевые знатные фамилии: предполагаемые потомки Олега Вещего, предположительно являвшиеся одним знатым родом Свенельдичи и Остромировичи, а также генеалогия Малковичей. При этом анализируются летописные данные и делаются выводы о возможных связях между названными родами. Обсуждаются вопросы происхождения, социального статуса и роли этих фамилий в контексте взаимоотношений боярства и княжеской власти. Например, вероятная генеалогическая связь Олега и Ольги, а также ряда знатных лиц последующего периода проявляет соотношение княжеского и боярского статуса на примере ближайшей родни правящей династии. Данные о Свенельдичах и Остромировичах иллюстрируют феномен подъемов и падений среди аристократии, а также влияние персональных биографий на развитие политических отношений. Генеалогия Малковичей служит примером эффективной социализации в аристократические круги через родственные связи с княжеской династией. Статья предоставляет обширный анализ генеалогии боярства X–XI вв. и демонстрирует способы функционирования правящей элиты в эту эпоху. Подчеркивается, что аристократия в основном формировалась на основе родственных связей в княжеской дружине, а также акцентируется внимание на взаимодействии принципов крови и службы в формировании элиты. Делается вывод, что борьба между этими принципами станет характерной для дальнейшего развития русской аристократии. Работа имеет практическую ценность для историков и исследователей, интересующихся генеалогией аристократии, а также для изучения социальных изменений в ранней Руси. Статья может служить основой для дальнейших исследований в области источниковедения и социальной истории, углубляя понимание структуры власти и ее изменений в контексте древнерусского общества.

Ключевые слова: Древняя Русь; Средневековье; бояре; генеалогия; социальный статус; наследование статуса

Для цитирования: Алексеев С.В. Древнерусская элита X–XI веков: вопросы генеалогии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):144–154. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-144-154

Old Russian Elite of the X–XI Centuries: Questions of Genealogy

S.V. Alekseev

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russian Federation;
Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is dedicated to the study of the genealogy of the Old Russian boyars and, in particular, its highest aristocratic stratum during the formation of the statehood of Rus'. The article notes the lack of sources and the complexity of studying this aspect, but emphasizes the importance of personal and genealogical research for understanding the social structure of that time. The article examines three key noble families: the supposed descendants of Oleg the Prophet; Sveneldichs and Ostromirovichs, who were supposedly one noble family; as well as the genealogy of the Malkovichs. Meanwhile, chronicle data are analyzed and conclusions are made about possible relation between these families. Issues of origin, social status and the role of these families in the context of the relationship between the boyars

and princely power are discussed. For example, the probable genealogical connection of Oleg and Olga, as well as a number of noble persons of the subsequent period, highlights the relationship between the princely and boyar status using the example of the closest relatives of the ruling dynasty. The data about the Sveneldichs and Ostromirovichs illustrate the phenomenon of rises and falls among the aristocracy, as well as the influence of personal biographies on the development of political relations. The genealogy of the Malkovichs an example of effective socialization in aristocratic circles through family relation with the princely dynasty. The article provides an extensive analysis of the genealogy of the boyars of the X–XI centuries and demonstrates the ways in which the ruling elite functioned in this era. It is emphasized that the aristocracy was mainly formed on the basis of family relation in the princely squad, and attention is also focused on the interaction of the principles of blood and service in the formation of the elite. It is concluded that the struggle between these principles will become characteristic of the further development of the Russian aristocracy. The article has practical value for historians and researchers interested in the genealogy of the aristocracy, as well as for studying social changes in early Rus'. The article can serve as a basis for further research in the field of source studies and social history, deepening the understanding of the structure of power and its changes in the context of ancient Russian society.

Keywords: Old Rus'; Middle Ages; boyars; genealogy; social status; inheritance of status

For citation: Alekseev S.V. Old Russian elite of the X–XI centuries: Questions of genealogy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):144–154. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-144-154

ВВЕДЕНИЕ

Проблематике истории древнерусской аристократии первых веков существования государственности посвящена довольно объемная историография [1–3]. При этом, несмотря на скудость сведений, естественным образом привлекают внимание проблемы персональной и родовой истории, позволяющие прояснить и конкретизировать общие данные о социальной структуре. Вопрос о генеалогии раннего русского боярства рассматривается как в рамках такого рода специальных работ, так и параллельно, в общеисторическом и источниковедческом аспектах. Для всех очевидна связь генеалогии с ключевой для понимания природы этого социального слоя в его становлении проблемой боярского статуса и его наследования. Можно обратить внимание, в частности, на суждение П. С. Стефановича, именно на основании конкретных биографических и генеалогических сведений приходящего к мнению о юридически не закрепленной «фактической наследственности» боярского статуса и в некоторых случаях даже конкретных должностей [2, с. 526–532]. Для XV–XVI вв., когда боярство было уже определено жалуемым чином и данных о генеалогии «боярских родов» несравненно больше, вопрос неплохо и подробно исследован с разных сторон (см., в частности [4–6] — историография по аристократии раннего Нового времени более чем обширна). Даже для непосредственно предшествующего времени генеалогические данные скуднее. Для домонгольской же эпохи, тем более для X–XI вв., их просто на порядки меньше, и они распределены неравномерно (лучше всего известны родословные новгородских бояр,

причем в основном уже XII–XIII столетий). Происхождение большинства знакомых нам все-таки семейств, а следовательно, и механизм обретения ими боярского статуса остается неизвестным или спорным. К тому же фрагментарность данных источников закономерно ведет к крайней разноречивости их трактовок. В данной статье предпринимается попытка обобщить имеющиеся (и предполагаемые) историко-генеалогические сведения первоисточников и предложить авторскую интерпретацию ряда спорных вопросов. Рассмотрение ограничивается теми знатными фамилиями XI в., сведения о которых дают основание предполагать их появление уже в X в.

ПОТОМКИ ОЛЕГА ВЕЩЕГО?

Постановка вопроса о потомках первого достоверно известного «великого князя русского» Олега не нова. Рассматривалась проблема ранее и автором этих строк [3, с. 20, 32; 7, с. 659–660, 745]. С учетом того, что в родовом предании приближенных «Рюриковичей» (потомков предполагаемого соправителя Олега, Игоря) статус Олега как великого князя был забыт, достоверность всех летописных сведений о происхождении династии сомнительна. В «Повести временных лет» (ПВЛ) начала XII в. Олег, называемый в Начальном летописном своде XI в. (НС) только воеводой, обретает свое княжеское достоинство, но это было только следствием использования новым летописцем дипломатических документов. Основной же объем информации о нем восходил к тому же Начальному своду, просто в новой интерпретации. Строго говоря, достоверных источников об Олеге только три — соглашение 907 г. с Византией (многими

ставится под сомнение), русско-византийский договор 911 г. и сообщение еврейско-хазарского сочинения второй половины X в. (так называемый Кембриджский документ) о русском князе «Хлгу». Судя по последнему источнику, Олег правил действительно одновременно и совместно с Игорем (там не упоминаемым) до неудачного похода на Константинополь в 941 г., после чего возглавил поход на Кавказ 944 г., в котором и погиб [8, с. 181–183]. В принципе, нет особых оснований сомневаться, что речь о том же самом Олеге — ранняя летописная хронология, особенно развернутая на основе легендарных и условных расчетов в ПВЛ, заслуживает не большего, а еще меньшего доверия, чем ранние родословные сведения [9, с. 362–366].

Наиболее напрашивающийся дополнительный к летописным известиям генеалогический элемент — вероятное родство Олега и Ольги, жены Игоря. Фактическое совпадение имен — едва ли случайность, а свойство гораздо лучше объясняет факт соправительства и сотрудничества, чем вторичная по отношению к НС легенда ПВЛ о малолетнем Игоре на попечении Олега. Все, что известно о происхождении Ольги, кроме того, что она была «от Пскова», относится тоже к области легенд, только позднейших, XV–XVII вв. Что Ольга могла быть дочерью Олега, угадывал, в частности, уже один из летописцев XV в. (см. о разных версиях: [7: 659]). Видеть в Ольге дочь или ближайшую родственницу первого великого князя, брак с которой на самом деле и обеспечил престол второму, вполне логично.

Скандинавская «Сага об Одде Стреле» (XIII в.) вобрала в себя некоторые элементы варяжских преданий об Олеге (в частности, смерть «от коня и змеи», описанная очень близко к повествованию ПВЛ). Достоверным историческим источником этот викингский приключенческий эпос не является ни в какой степени, но некоторые из таких элементов интерес представляют. В частности, сообщается, что от брака с русской (или «гуннской») княжной правивший Русью-Гардарики (или «страной гуннов») Одд имел сына Асмунда [10]. Это имя известно в русской истории X в. и связано с временами Игоря и Ольги. Асмундом, согласно НС и далее ПВЛ, звали «кормильца»-воспитателя их сына, молодого князя Святослава. Традиционно в архаических славянских и скандинавских обществах эту позицию при наличии занимал дядя по матери, и позднее воспитателем Владимира Святославича являлся дядя последнего Добрыня.

Следующее звено в предполагаемой генеалогической цепи — «племянник» Ольги, упоминаемый как ее спутник при визите в Константинополь в 957 г. [11, с. 253]. Это побуждает вспомнить о русском аристократе по имени Сфенкел или Сфангел, во время Болгарской войны 969–971 гг. считавшегося первым или вторым по знатности после князя Святослава. Отождествлять упоминаемого в греческих источниках [12, с. 71–72, 76, 125, 128] Сфенкела с летописным воеводой Свенельдом нельзя — Сфенкел погиб на войне, тогда как Свенельд свидетельствовал окончивший ее договор 971 г.; к тому же это явно разные скандинавские имена, Стейнкель и Свейнальд. Родной племянник Ольги — двоюродный брат Святослава и, конечно, как ближайший родич, следовал за ним по знатности.

Воевода Владимира Святого «князь Олег», первый и единственный носивший это имя вне династии, упоминается в связи с событиями Крещения Руси в так называемом Особом житии Владимира [13, с. 474]. Памятник это довольно поздний, что можно видеть и из именования Олега одновременно князем и воеводой, но вместе с тем использовавший более ранние и достоверные в основе источники о событиях 988–989 гг. Проблема в том, что имя воеводы Владимира нам известно, между тем как до начала XII в. никаких сведений о многих воеводах одновременно у одного и того же князя не отмечено. В качестве воеводы Владимира в НС [14, с. 131] и далее в ПВЛ еще до крещения выступает некто Волчий Хвост. И он же, согласно древней новгородской летописной повести о Любечской битве, являлся воеводой следующего князя Святополка Окаянного в 1016 г. [14, с. 15]. «Волчий Хвост», однако, выглядит скорее как прозвище, чем как личное имя, и может быть связано с культом волка и оборотническими поверьями, которые, в свою очередь, являлись важной составляющей представлений о «вещести» в славянской языческой культуре. Таким образом, нельзя исключить, что «Олег» — личное имя Волчьего Хвоста, и здесь мы имеем последнее прослеживаемое родословное звено в генеалогии потомков Олега Вещего. Конечно, все это построение остается только гипотезой.

СВЕНЕЛЬДИЧИ И ОСТРОМИРОВИЧИ

Гораздо в большей степени мы стоим на почве реальных генеалогических сведений при изучении истории знатных семейств Свенельдичей (X в.) и Остромировичей (XI в.). Им и их предполагае-

мым связям между собой посвящена значительная литература. Из прямых свидетельств летописцев следует, что киевский боярин новгородского происхождения Янь Вышатич и, возможно, его отец Вышата Остромирович являлись важнейшими источниками информации для автора НС и, если говорить о Яне, для автора ПВЛ (см.: [9, с. 220–226, 520–523; 15; 16]). С этим связывается и сохранившийся в летописных рассказах особый акцент на деятельности княжеских воевод начиная с Олега (в НС) или со Свенельда, воеводы Игоря и Святослава. Есть основания считать, что именно родовое предание Остромировичей легло в основу летописного повествования о не обеспеченных письменными источниками веках истории древнейшей Руси, а личные воспоминания Яня сформировали в ПВЛ значительную часть сведений об эпохе Ярослава Мудрого.

Старейший и единственный документальный источник, в котором упомянут Свенельд (Свенальд) — договор князя Святослава с императором Иоанном Цимисхием 971 г., который Свенельд свидетельствовал с русской стороны [17, с. 58]. Свенельд появляется в НС сразу после смерти Олега как его преемник в качестве воеводы Игоря. Вместе с тем он, подобно Олегу, предстает в это время скорее как предводитель собственного военного отряда («отроков»), противопоставляемых княжеским «мужам». Свенельд покоряет племена уличей в Нижнем Поднепровье, взяв после трехлетней осады их град Пересечен, и получает право сбора дани с них. Но, поскольку уличи переселились с прежних мест, Игорь, к недовольству своей дружины, передает Свенельду право сбора дани и с древлян. Зависть княжеской дружины к Свенельду и его «отрокам» в итоге приводит к тому, что Игорь идет к древлянам сам, собирает неурочную дань и убит ими [14, с. 109–110]. Далее, Свенельд упоминается как воевода уже Святослава, сына Игоря, возглавляя вместе с Асмудом войско княгини-матери Ольги во время мести древлянам [14, с. 110, 112–113]. Он (называемый теперь «воеводой отним») пытался в 971 г. отговорить Святослава от прорыва через занятые печенегами днепровские пороги по пути назад из Болгарии. Святослав не послушал, погиб в 972 г. сам и погубил большую часть оставшегося войска. Свенельд (по контексту, бросив отчаянного князя) привел в Киев к новому князю Ярополку хотя бы уцелевшие остатки [14, с. 123–124]. В дальнейшем из-за убийства своего сына Люта древлянским князем Олегом Свенельд разжигает

Применительно к домонгольскому времени можно говорить только о фактической наследственности боярского статуса, которая складывалась практическим, бытовым путем, но не была закреплена юридическими документами. Передача боярского статуса по наследству подразумевала не только сохранение богатства, но и добровольную поддержку главы государственного образования в различных вопросах. «Фактор службы» играл не менее важную роль, чем «фактор имущества». Кроме того, автор указывает, что государственная власть содействовала передаче боярского статуса по наследству, так как это соответствовало служебно-политическим интересам княжеской власти.

вражду Ярополка с братом, кончившуюся гибелью Олега. Тем самым он становится косвенным виновником и распри Ярополка с Владимиром, приведшей к падению и гибели уже Ярополка [14, с. 124–125]. В связи с этими последними событиями Свенельд уже не упоминается.

НС называет двух сыновей Свенельда. Первый из них — уже упомянутый Лют, убитый князем Олегом за нарушение границ его охотничьих угодий. Второй назван только под 945 г., как «опознаватель» для отца — «Свенельд, тот же отец Мстишин» [14, с. 110]. Показательно, что оба сына носят славянские имена, причем Мстиша — усеченная форма «княжеского» двусоставного имени Мстислав. Очевидно, имя Мстиши было достаточно хорошо известно в том кругу, которому летописец адресовал свое сочинение. Наиболее вероятно, что речь идет о важном персонаже боярской генеалогии, актуальной на момент содания НС. В НС, начиная с легенды о призвании

варягов, весьма заметны следы родового предания «новгородских людей от рода варяжского», возводивших себя к спутникам Рюрика [14, с. 106]. Единственные называемые им поименно лица, годящиеся на эту роль, — Вышата Остромирович и Янь Вышатич, который являлся ктиторм и другом печерских монахов. Последнее неизбежно делало его родословную известной в монастыре.

Идею о генеалогической связи Остромировичей и Свенельдичей в свое время разработал классик отечественного летописеведения А.А. Шахматов [18, с. 106–182, 358–371]. Правда, у него она оказалась осложнена как стремлением включить в этот родословный ряд практически всех летописных персонажей (не исключая князя Владимира), так и чрезвычайно отходящими от прямых данных источников интерпретациями исторических фактов. Это вызвало к жизни серьезную критику у многих позднейших ученых (см.: [16]). Вместе с тем, представляется, что хронологически Мстиша вполне мог быть отцом Остромира, и это обосновало бы его «случайное» упоминание в летописи.

Исходя из данных как о самом Остромире, так и о его внуке Яне, этот знатный новгородец должен был родиться примерно в начале 980-х гг. — не позднее и едва ли ранее. Благодаря изготовленному по его заказу Остромирову Евангелию 1057 г. известно его крестильное имя Иосиф. Он, вероятно, был участником войн Ярослава Мудрого против Святополка Окаянного и других соперников, но в связи с этими событиями не упоминается. Вместе с тем еще при Владимире он должен был вступить в брак, который сделал его свойственником («близким») правящей династии. Согласно сообщаемой об этом свойстве выходной записи Евангелия, жену Остромира и мать его детей звали Феофана [19, с. 14]. Это греческое имя, явно данное в честь матери жены Владимира Святого царевны Анны, с этой точки зрения перекликается с рядом имен, полученных в крещении как самим Владимиром (Василий, имя брата Анны), так и другими представителями его дома. В частности, Константином (так звали другого брата Анны) был назван сын Добрыни, новгородского наместника и дяди князя, предшественник Остромира на новгородском посадничестве. В летописях он известен только под крестильным именем (Коснятин). То, что Остромир был зятем Добрыни (и Коснятина по сестре), убедительно объясняет его «близость» к династии.

В НС Остромир упоминается под 1064 г. как отец Вышаты и «воевода Новгородский» [14, с. 184]. Ничто не указывает на то, что тогда он оставался в живых. Тем не менее в 1057 г. были еще живы и он, и Феофана. Выходная записка Евангелия — наиболее достоверный источник об Остромире. Согласно ей, Остромир, будучи «близок» князю Изяславу, унаследовавшему Новгород после смерти старшего брата Владимира (1052 г.) и Киев по смерти отца Ярослава (1054 г.), получил от него поручение «править» новгородским «столом» [19, с. 13–14].

В списке новгородских посадников [14, с. 164] Остромир стоит между Коснятином (сосланным после 1020 г.) и Завидом (первым в ряду посадников-регентов, правивших при князе Мстиславе с 1088 г.). До Завида посадники ставились нерегулярно править вместо князей, а не вместе с ними, и хронология не противоречит сведениям выходной записи.

Дополнительные сведения о посадничестве Остромира сообщает новгородская летописная выборка начала XV в. (так называемый Свод 1411 г.), использованная позже в общерусском летописном Своде 1418 г. Источником выборки за XI в. наряду с НС и ПВЛ послужили какие-то восходящие к тому времени новгородские летописные записи [9, с. 191–192]. Здесь сообщается, что Изяслав после смерти отца пришел в Новгород «и посадил Остромира в Новгороде». После этого Остромир с новгородцами совершил поход на чудь (эстов), «и убила его чудь, и много пало новгородцев с ним». Изяслав тогда пошел на чудь сам, взяв их «осек» Кедипив [20, с. 65].

В том, что Остромир в более чем преклонном возрасте еще водил войска, нет ничего невозможного, — то же делал в еще более преклонные годы и его внук Янь, да и вообще такие ситуации известны в истории. (Замечу, что в научной литературе при обсуждении хронологического аспекта данной родословной слишком часты суждения о «возможном» и «невозможном», основанные не на источниках или объективных фактах, а на априорных представлениях ученых.) Тем более неудивительно, что он погиб при поражении. В летописной выборке эти события сгруппированы под 1054 г., но гибель Остромира должна датироваться временем после 1057 г. Поход Изяслава на чудь-солов, этот же или следующий, упоминается в НС под 1060 г.

Остромир и Феофана, согласно выходной записи Евангелия, имели на исходе дней в 1057 г.

нескольких взрослых и вступивших в браки детей. Из них известен только Вышата, названный сыном Остромира при единственном прямом упоминании в НС под 1064 г. Он должен был появиться на свет около 1000 г. — во всяком случае, не позже. В отличие от остававшегося в Новгороде отца, Вышата, видимо, служил в дружине Ярослава Мудрого в Киеве. Согласно ПВЛ (где при первом упоминании Вышата назван «отцом Яневым»), в 1043 г. он стал по поручению Ярослава воеводой княжившего тогда в Новгороде князя Владимира Ярославича — возможно, вместо стареющего Остромира. Вышата должен был возглавлять новгородцев в предпринятом Владимиром по приказу отца походе на Константинополь, который закончился разгромом. Вышата отказался спастись вместе с князем и его дружиной морем, а спрыгнул с ладьи и остался с выброшенными на берег тысячами новгородских ополченцев. Их пеший поход к Дунаю был обречен, и многих пленников ромеи ослепили. Не уточняется, впрочем, разделит ли эту судьбу сам Вышата. Он вернулся к Ярославу в 1046 г. после заключения им мира с императором Константином Мономахом [21, стб. 154].

В 1064 г. Вышата вместе с другим знатным новгородцем Пореем сопровождал сына Владимира Ярославича, Ростислава, в побеге от его дядьев, у которых княжич, судя по всему, жил на положении пленника. С помощью своих новгородских спутников Ростислав достиг Тмутаракани на другом конце Руси и захватил ее [14, с. 184]. Только в связи с этим о Вышате и говорится в НС. Во время княжения Ростислава и пребывания Вышаты в Тмутаракани там находился покинувший Киев из-за ссоры с князем Изяславом печерский священник Никон Великий, будущий игумен монастыря, прославленный переводчик и вероятный основной автор НС. Некоторые отразившиеся в НС и невольно сохраненные в ПВЛ идеи (в частности, что династия своим существованием обязана новгородцам и их праву самим выбирать себе князей) прозрачно отражают политические настроения Вышаты и его новгородских единомышленников на момент описанных событий. Вся история с бегством Ростислава была проявлением недовольства части новгородцев после смерти Остромира прямым управлением из Киева. Вышата, возможно, умер раньше, чем отравленный ромейским офицером в 1066 г. Ростислав, — во всяком случае, после 1064 г. он нигде не упоминается.

Янь Вышатич родился в 1016 г. [21, стб. 281], будучи, очевидно, первым ребенком Вышаты. Его дружинная карьера намного яснее, чем у отца, связана с великокняжеской службой и с югом. Началась она, вероятно, в дружине Ярослава Мудрого, а после его смерти Янь был боярином Святослава Ярославича Черниговского. Особо высокого положения среди бояр Янь в этот период не занимал (может быть, и ввиду нелояльности отца) — в частности, его нет среди участников утверждения правового кодекса «Правда Ярославичей». Известно, что он в какой-то момент между 1054 и 1073 гг. с отрядом из 12 «отроков» был отправлен собирать дань с самой северной части владений Святослава, полуязыческой еще Ростовской земли. При этом случае он схватил и истребил волхвов, устроивших в голодный год масштабную охоту на ведьм, якобы «державших обилие», по местным селениям. Рассказ Яня об этом включен в НС под 1071 г. в составе так называемого «повествования о волхвах». В нем Янь предстает как ревностный христианин, — возможно, в большей степени, чем собственный его князь, к которому он волхвов вести отказался [14, с. 192–194].

Тесным связям Яня с Киево-Печерским монастырем и его насельниками начало было положено еще до захвата Святославом Киева в 1073 г. (которого игумен Феодосий не признал). Вероятно, в какой-то предшествующий момент Янь переселился в Киев (унаследовав отцовский двор?). Помимо общения с автором НС известно, что Янь и его жена Мария неоднократно принимали у себя самого Феодосия (ум. 1074), «ведь Феодосий любил их, поскольку жили по заповеди Господней и в любви между собой пребывали». Однажды Феодосий обещал Марии, что та погребена будет рядом с ним. Это сбылось, когда Мария умерла (16 августа 1091 г.) и была похоронена в монастырской церкви Святой Богородицы напротив незадолго до этого установленной там раки с мощами Феодосия [21, стб. 212].

К этому времени Янь уже выдвинулся в первые ряды киевского боярства и к 1089 г. являлся киевским тысяцким — главой городского самоуправления и ополчения [21, стб. 208]. В 1093 г. во время похода на половцев нового киевского князя Святополка Изяславича Янь вместе с Владимиром Мономахом и «смыслеными мужами» пытался отговорить киевлян от битвы с кочевниками, но не преуспел, что привело к поражению [21, стб. 219]. Янь прожил 90 лет, «в старости маститой жил

по закону Божьему не хуже первых праведников», и умер в 1106 г., в этом году еще сходя в успешный поход на половцев (видимо, больше как символический предводитель при воеводе Святополка Иванке Захарьиче). Янь был погребен в притворе печерской церкви 24 июня 1106 г. [21, стб. 281]. О потомстве его ничего не известно.

Киевский воевода, затем тысяцкий Путята называется братом Яня единственный раз под 1106 г. в общерусском летописном Своде 1418 г., где утверждается, что он ходил с братом в последний поход [20, с. 99; 22, стб. 218]. В ПВЛ таких данных нет, но аналогичная приписка сделана в Ипатьевском списке, списанном с южнорусского оригинала на северо-западе Руси тоже в конце 1410-х — начале 1420-х гг. [23, стб. 257, прим. Д]. Таким образом, источник сведений установлен точно быть не может, но и мотивации для вымысла в этом вопросе у книжников начала XV в. не имелось. Потому большинство ученых признает Путяту братом Яня Вышатича. Судя по своей ратной активности на рубеже XI–XII вв., Путята был заметно моложе, — может быть, сыном Вышаты от другого, позднего брака. Подобно брату, он служил киевским князьям и влился в первые ряды киевского боярства.

Путята известен, в первую очередь, как верный соратник киевского князя Святополка Изяславича. К концу 1090-х гг. Путята являлся его воеводой, в августе 1099 г. был послан удерживать Владимир-Волынский в усобице против князя Давыда Игоревича; в 1100 г. участвовал от имени своего князя в посольстве к Давыду с ультиматумом от княжеского съезда; в 1104 г. водил рать Святополка в союзе с другими князьями на минского князя Глеба [21, стб. 272, 274, 280]. Как уже сказано, участвовал он, возможно, и в победоносном рейде на половцев в 1106 г., когда кочевников гнали до Дуная и отбили у них русский полон [23, стб. 257]. После смерти брата или даже ранее Путята занял пост киевского тысяцкого. Когда в 1113 г. умер Святополк, находившийся в весьма тяжелых отношениях с киевской знатью, духовенством и городской общиной, двор Путяты был в числе первых разграблен восставшими киевлянами [23, стб. 275]. Не говорится, чтобы он пострадал лично, но и в источниках он в последующем не упоминается. Нет сведений и о его потомстве.

МАЛКОВИЧИ

Наиболее ясная из рассматриваемых здесь родословных — генеалогия Малковичей, центральным

персонажем которой является дядя Владимира Добрыня. Это также и один из наиболее очевидных примеров приобретения и удержания боярства людьми незнатного состояния — правда, в данном случае благодаря родству с самой правящей династией.

Родоначальником семейства был некто Малк Любечанин. Имя указывает на происхождение его из Любеча, в начале X в. одного из автономных центров руси, к середине X в., — видимо, уже княжеского замка. Дочь Малка Малуша была рабыней и ключницей княгини Ольги [14, с. 121, 125]. Малк, вероятно, тоже был несвободным, — может быть, управителем Любечского замка. Сыном Малка и братом Малуши и являлся Добрыня.

Малуша стала наложницей князя Святослава и произвела от него на свет сына Владимира. Когда княжич подрос, это, вероятно, подняло статус Добрыни и всего семейства, — во всяком случае, приблизило Добрыню как воспитателя-кормильца племянника ко двору Святослава. Согласно НС, когда в 969 г. новгородцы потребовали у уходящего на Болгарскую войну Святослава дать им князя, а тот пренебрежительно отмахнулся от них, то именно Добрыня присоветовал просить себе Владимира. Святослав легко отдал новгородцам побочного сына, и Добрыня с племянником отбыл в Новгород [14, с. 125].

Добрыня оставался ближайшим соратником Владимира все первые годы его правления. Во Владимирском летописном своде содержится предание, восходящее к Переяславской летописи первой половины XII в., о том, что Добрыня сыграл решающую роль в захвате Владимиром Полоцка около 977 г. Оскорбленный отказом племяннику полоцкой княжны Рогнеды, назвавшей Владимира «робиичем» и тем оскорбившей его лично, Добрыня добился похода на Полоцк и возглавил его, расправившись с тамошней княжеской семьей и отдав Рогнеду племяннику [21, стб. 299–300]. После завоевания Владимиром Киева, ок. 980 г., Добрыня был отправлен им в качестве наместника в Новгород (точный титул его неизвестен, во всяком случае «посадником» он не был и в список посадников не включается). Придя туда, он установил над Волховом идол Перуна, культ которого Владимир тогда пытался распространять [14, с. 128]. В 985 г. Добрыня вместе с Владимиром участвовал в походе на Волжскую Болгарию. НС связывает с его именем совет Владимиру отказаться от походов на соседние развитые государства, которые все равно не станут данниками, и сосредоточиться на

объединении схожих между собой по образу жизни «лапотников». С волжскими болгарами был заключен мир [14, с. 132].

Вопрос о генеалогии раннего русского боярства рассматривается как в специальных научных работах, так и в общеисторическом и источниковедческом аспектах. Изучение данной темы позволяет раскрыть многие спорные моменты политических процессов на Руси и сопредельных территориях и понять принципы формирования древнерусской элиты. Родословные боярских родов — это летопись возвышений и падений, борьба за влияние и место при княжеском дворе. Через судьбы этих семей можно проследить изменения системы управления государством.

Сведения об участии Добрыни в крещении Новгорода и других областей Северной Руси появляются в летописях только к концу XV в. (см. сводку: [24, с. 332–333]). Достоверные это сведения или просто признак складывающегося эпоса о Добрыне, нет способов установить. По крайней мере, предание о крещении Новгорода Добрыней «огнем и мечом» содержится исключительно в так называемой Иоакимовской летописи — источнике, мягко говоря, сомнительном, если и не безнадежно сомнительном, по происхождению и по содержанию [9, с. 200–201; 24, с. 333–335]. Ранние рассказы XI–XV вв. о крещении Новгорода Добрыню не упоминают. Время смерти Добрыни неизвестно. Очевидно, это все-таки действительно произошло уже после крещения, когда Владимир отправил княжить в Новгород сына Вышеслава [14, с. 159, 161].

Как отмечалось выше, дочерью Добрыни могла быть Феофана, жена будущего новгородского посадника Остромира, что объясняет внимание к Добрыне в созданном по преданиям Остромировичей НС. Сыном Добрыни был Коснятин, первый

после легендарного Гостомысла известный новгородский посадник. На этой должности его оставил Ярослав Мудрый при вокняжении в Киеве в 1016 г. [14, с. 161, 164]. В 1018 г., когда Ярослав, разгромленный польским князем Болеславом, собирался бежать из Новгорода в Скандинавию, Коснятин во главе новгородцев помешал этому и заставил князя продолжать борьбу [21, стб. 143]. Утвердившись в Киеве в 1019 г., Ярослав посадил в Новгороде своего сына Илью, но уже в 1020 г. тот скоропостижно и безвременно умер. Князь разгневался на Коснятина, «поточил» его (т.е. взял под арест и отнял имущество) и выслал под стражу в Ростов. В 1023 г., когда Ярослав угрожали языческие беспорядки в Ростовской земле и вторжение брата Мстислава Тмутараканского, Коснятина перевели в Муром и здесь, на берегу Оки, убили [14, с. 161; 20, с. 62].

О наличии у Коснятина или иных, неизвестных нам, детей Добрыни потомства прямых данных нет. Можно было бы, например, как-то связать с Коснятином воеводу киевского князя Изяслава Ярославича в 1060-х — начале 1070-х гг., носившего имя Косняч или Коснячко. Во всяком случае, это всего второй известный нам персонаж, носящий «царское» крестильное имя Константин вне княжеского семейства. Более надежно проследить за употреблением сравнительно редкого имени «Добрыня». Оно встречается затем в русской знати не раз. Это может быть показатель как популярности сказаний о Добрыне, превративших его в былинного героя, так и реальных родословных связей. Первый известный — Добрыня Рагуилович, новгородский боярин, возглавлявший в 1096 г. авангард войск княжившего тогда в Новгороде Мстислава Великого в походе на Ростов [21, с. 238]. Позднее, в начале XII в., Добрыня был посадником и умер на этом посту 6 декабря 1117 г., через несколько месяцев после того, как Мстислав ушел из Новгорода к своему отцу Владимиру Мономаху, оставив княжить своего сына Всеволода [14, с. 20]. Возможно, что родословная линия Малковичей продолжилась и в XII в.

ВЫВОДЫ

Данный генеалогический очерк не только предлагает некоторые решения частных проблем, но и демонстрирует особенности функционирования правящей элиты Руси на стадии государствообразования. Появление аристократических династий, существовавших три и более поколения, не теряя положения в обществе, определено было возможно. Правда, стоит обратить внимание, что все известные

связаны корнями с княжеской дружиной и, что еще принципиальнее, находятся в родстве с княжеским домом. «Теневых династий», управляющих вместо князей, на Руси, в отличие от некоторых в том числе и славянских ранних государств, не появилось, и такие попытки обычно жестко пресекались князьями. Только к концу XI в. начинается обособление локального боярства от княжеской дружины, заметное, в частности, по появлению постоянного посадничества в Новгороде.

Элита являлась полиэтничной по происхождению, что восходило к полиэтничной природе сообщества первоначальной руси (см.: [7]). Вместе с тем по мере движения от руси к Руси, раннему государству на славянской основе, происходила полная ассимиляция неславянских элементов

в правящем слое, особенно ускорившаяся после принятия христианства. Архаический «принцип крови» имел ключевую роль в формировании элиты, как еще и века спустя, хотя говорить о наследовании боярами конкретных должностей как системе было бы неверно — там, где подобное происходило, речь шла о конкретных и особых ситуациях. Между тем действовал и государственный по природе «принцип службы», определявший как функции конкретного боярина в княжеской администрации и дружине, так и попадание в верхи лиц незнатного происхождения. Тенденция к противостоянию и взаимодействию «принципа крови» и «принципа службы», с постепенным и не без реакций оттеснением первого последним, становится характерна для развития русской элиты в последующие века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горский А. А. Древнерусская дружина: к истории генезиса классового общества и государства на Руси. Москва: Прометей; 1989. 124 с.
2. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. Москва: Индрик; 2012. 566 с.
3. Алексеев С. В. Аристократия Древней Руси IX–XII вв. Москва: Академический проект; 2020. 277 с.
4. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. Москва: Наука; 1969. 583 с.
5. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. Москва: Наука; 1988. 352 с.
6. Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2011. 300 с.
7. Алексеев С. В. Русь и восточные славяне в IX в.: источники и история. Москва: ИПО «Радетель»; 2025. 840 с.
8. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. Москва: Русский фонд Содействия Образованию и Науке; 2009. 264 с.
9. Алексеев С. В., Плотникова О. А. От предания к литературе: устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славянской словесности. Москва: Академический проект; 2021. 750 с.
10. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. V. Древнескандинавские источники. Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. Москва: Русский фонд Содействия Образованию и Науке; 2009. 384 с.
11. Бибииков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. II. Нарративные памятники. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2009. 528 с.
12. Лев Диакон. История. Пер. М. М. Копыленко, комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Москва: Наука; 1988. 240 с.
13. Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси: Древнейшие письменные источники. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко; 2008. 576 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Насонов А. Н., ред. Москва: Языки славянской культуры; 2000. XII + 720 с.
15. Горский А. А. Янь Вышатич: проводник по истории Руси XI века. Санкт-Петербург: Нестор-история; 2021. 192 с.
16. Гимон Т. В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи. В: Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2013:65–117.

17. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. Сост. А. А. Зимин, под ред. С. В. Юшкова. Москва: Государственное издательство юридической литературы; 1952. 288 с.
18. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Александрова, 1908. XX + 687 с.
19. Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. Москва: Наука; 2000. 543 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. Лурье Я. С., ред. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2002. 224 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Карский Е. Ф., ред. Москва: Языки русской культуры; 1997. 496 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. Москва: Языки русской культуры; 2000. VIII+312 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. А. А. Шахматов АА., ред. Москва: Языки русской культуры; 1998. 648 с.
24. Добрыня Никитич и Алеша Попович. Москва: Наука; 1974. 448 с.

REFERENCES

1. Gorsky A. A. Old Russian squad: On the history of the genesis of class society and state in Rus'. Moscow: Prometheus; 1989. 124 p. (In Russ.).
2. Stefanovich P. S. Boyars, youths, squads: The military-political elite of Rus' in the 10th-11th centuries. Moscow: Indrik; 2012. 566 p. (In Russ.).
3. Alekseev S. V. Aristocracy of Old Rus' in the 9th-12th centuries. Moscow: Academic project; 2020. 277 p. (In Russ.).
4. Veselovsky S. B. Research on the history of the class of service landowners. Moscow: Nauka; 1969. 583 p. (In Russ.).
5. Zimin A. A. Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th — first third of the 16th century. Moscow: Nauka; 1988. 352 p. (In Russ.).
6. Volodikhin D. M. Social composition of the Russian voivode corps under Ivan IV. St. Petersburg: Petersburg oriental studies; 2011. 300 p. (In Russ.).
7. Alekseev S. V. Rus' and Eastern Slavs in the 9th century: Sources and history. Moscow: IPO "Radetel"; 2025. 840 p. (In Russ.).
8. Old Rus' in light of foreign sources. Vol. III. Eastern sources. Comp. T. M. Kalinina, I. G. Konovalova, V. Y. Petrukhin. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science; 2009. 264 p. (In Russ.).
9. Alekseev S. V., Plotnikova O. A. From Tradition to literature: Oral historical and epic tradition in the most ancient monuments of slavic literature. Moscow: Academic Project; 2021. 750 p. (In Russ.).
10. Old Rus' in light of foreign sources. Vol. V. Ancient Scandinavian sources. Comp. G. V. Glazyrina, T. N. Jackson, E. A. Melnikova. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science; 2009. 384 p. (In Russ.).
11. Bibikov M. V. Byzantinorossica: A Corpus of Byzantine Testimonies about Rus'. Vol. II. Narrative Monuments. Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus'; 2009. 528 p. (In Russ.).
12. Leo the Deacon. History. Trans. M. M. Kopylenko, comment. M. Ya. Suzyumov, S. A. Ivanov. Moscow: Nauka; 1988. 240 p. (In Russ.).
13. Milyutenko N. I. Holy Prince Vladimir, Equal to the Apostles, and the Baptism of Rus': The earliest written sources. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House; 2008. 576 p. (In Russ.).
14. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. III. Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions. Nasonov A. N., ed. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2000. XII + 720 p. (In Russ.).
15. Gorsky A. A. Yan Vyshatich: A guide to the history of Rus' in the 11th century. St. Petersburg: Nestor-History; 2021. 192 p. (In Russ.).

16. Gimon T. V. Yan Vyshatich and oral sources of the Old Russian Primary Chronicle. In: The Oldest states of Eastern Europe. 2011: Oral tradition in written text. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2013:5–117. (In Russ.).
17. Monuments of Russian Law. Issue 1. Monuments of Law of the Kiev State of the 10th-12th Centuries. Comp. A. A. Zimin, ed. by S. V. Yushkov. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1952. 288 p. (In Russ.).
18. Shakhmatov A. A. Research on the Oldest Russian Chronicle Codes. St. Petersburg: Print. M. M. Alexandrov, 1908. XX + 687 p. (In Russ.).
19. Stolyarova L. V. Corpus of records of scribes, artists and bookbinders of ancient Russian parchment codes of the 11th-14th centuries. Moscow: Nauka; 2000. 543 p. (In Russ.).
20. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 42. Novgorod Karamzin Chronicle. Ed. Y. S. Lurye, comp. A. G. Bobrov, Z. V. Dmitrieva. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002. 224 p. (In Russ.).
21. Complete collection of Russian chronicles. Vol. I. Laurentian Chronicle. Karsky E. F., ed. Moscow: Languages of Russian Culture; 1997. 496 p. (In Russ.).
22. Complete collection of Russian chronicles. Vol. VI. Issue 1. Sofia First Chronicle of the Older Edition. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. VIII+312 p. (In Russ.).
23. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. II. Ipatiev Chronicle. Shakhmatov A. A., ed. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. 648 p.
24. Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich. Moscow: Science; 1974. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Алексеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Российская Федерация; председатель, Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Российская Федерация
Sergey V. Alekseev — Dr. Sci. (History), Prof., Prof. of the Department of History, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russian Federation; Chairman, Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-7513-2695>
ipo1972@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.04.2025; принята к публикации 11.05.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 21.04.2025; accepted for publication 11.05.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.